

В долю секунды перед Ван Паньди сооткался призрачный алый силуэт, приняв на себя весь удар хлынувшего черного тумана.

Тьма мертвой хваткой вцепилась в кроваво-красное свадебное платье, но так и не сумела пробиться сквозь хрупкую фигуру и хоть на йоту задеть испуганную девушку.

Этой короткой передышки хватило, чтобы Цзян Ту и Е Хуай подоспели на помощь.

Расцвели кровавые цветы туми. Из-под земли с лязгом вырвались багровые цепи и намертво прижали старосту к земле, лишая малейшей возможности пошевелиться.

Черный лотос яростно завыл, извиваясь. Конечности старосты вывернулись под неестественным углом, но даже так разорвать оковы не удалось. Поняв, что выхода нет, тварь попыталась спастись: черный бутон с корнем вырвался из плоти мужчины, устремляясь прочь.

— Е Хуай! — скомандовал Цзян Ту.

Е Хуай выхватил из-за спины костяной меч и обрушил его вниз.

В этом ударе не было изысканных приемов — лишь слепой инстинкт хищника, бьющего наповал.

Острое вонзилось в самую сердцевину черного лотоса. Тьму мгновенно разорвала ослепительная золотая вспышка, подобная восходящему солнцу.

В золотом сиянии взгляд Е Хуая вспыхнул еще ярче. Духовная энергия со всех сторон хлынула в его тело, а затем мощным потоком излилась сквозь лезвие клинка.

Сама природа благоволила Дитяти судьбы — первозданные силы неба и земли послушно стекались к нему, готовые подчиниться любому приказу.

Ослабевшее Дыхание скверны, и без того балансирующее на грани гибели, не могло ничего противопоставить этой чистой, бурлящей мощи.

Черный лотос усох на глазах. Его скрюченные корни и лепестки конвульсивно задергались и окончательно растаяли, превратившись в струйки зловонного дыма.

Е Хуай застыл, не веря собственным глазам. Нанося удар, он не почувствовал сопротивления, но теперь его пальцы мелко дрожали от нахлынувшей слабости.

«Неужели я... действительно одолел призрачного зверя?»

Растерянный юноша интуитивно принялся искать глазами Цзян Ту, надеясь получить хоть какое-то подтверждение своей победы.

И на этот раз наставник не поскупился на похвалу.

— Отличная работа, — негромко произнес Цзян Ту.

Эта короткая фраза подействовала на юношу как ласковое поглаживание взъерошенной шерстки. Сердце наполнилось щемящей, безграничной радостью. Е Хуай приоткрыл губы:

— Благодетель...

Договорить ему не дал отчаянный плач Ван Паньди:

— Сестрица! Сестрица!..

Е Хуай осекся. Он вспомнил, что мгновением ранее, когда староста занес руку для смертельного удара, кто-то заслонил собой беззащитную Ван Паньди.

Присмотревшись, он замер от потрясения.

Клубы черного Дыхания скверны метались из стороны в сторону. Словно утопающие, хватающиеся за последнюю соломинку, они яростно, один за другим, вгрызались в полы алого свадебного платья.

Обладательница наряда билась в страшных судорогах. Спутавшиеся мокрые пряди, похожие на речные водоросли, облепили лицо; черты исказились до неузнаваемости, а из глаз, носа и ушей струилась темная кровь.

Е Хуай потрясенно выдохнул:

— Ван Чжаоди?!

Словно бьющаяся в паутине муха, девушка не реагировала на крик — все ее существо было сосредоточено на инстинктивной борьбе за жизнь.

Зрелище было по-настоящему жутким. Против всеразрушающей скверны даже разгневанная мертвая невеста оказалась бессильна. Она изгибалась всем телом, а ее белки то заливало чернотой, то окрашивало багрянцем.

Но Ван Паньди не испытывала страха. Забыв обо всем, она рванулась к сестре:

— А-цзе! А-цзе!

Цзян Ту преградил ей путь, властным жестом заставив отступить:

— Назад. Она превращается в призрачного зверя.

Ван Паньди без сил рухнула на землю, бессмысленно повторяя:

— Призрачный зверь... Моя а-цзе — призрачный зверь...

Народец Нижнего царства знал: встреча с призрачным зверем сулит смерть. В лучшем случае от человека не останется даже костей, в худшем — тварь пожрет всю деревню до единого младенца.

Но как же так? Почему ее любимая сестра должна стать этим чудовищем?..

Ван Паньди во все глаза смотрела на клубящееся Дыхание скверны, крича от разрывающей изнутри боли:

— Это из-за меня! А-цзе спасала меня... Это все я виновата!

Дыхание скверны должно было проникнуть в ее собственную плоть, оборвав жалкую жизнь, но Ван Чжаоди добровольно заслонила сестру, приняв удар на себя.

И платой за этот подвиг должно было стать полное перерождение. Скверна пожирала остатки разума Ван Чжаоди, превращая ее во второго монстра Деревни Множества Благословений.

Костяной меч в руках Е Хуая вновь тускло засиял золотом. Юноша медленно поднял оружие, готовясь нанести удар.

Заметив это движение, Ван Паньди обезумела от горя. Она бросилась к Цзян Ту, припадая к его ногам и целуя пыльную обувь:

— Бессмертный, умоляю вас, пощадите! Я сделаю все, что прикажете, отдам любую цену, только спасите мою сестру! Она закрыла меня от удара, она не чудовище! Молю вас, великий господин, умоляю!..

Слезы девушки капали на подол его одеяний. Каждое ее слово было пропитано искренним, надрывным отчаянием.

Однако на лице Цзян Ту не отразилось ни тени жалости. Он хладнокровно отступил на шаг,

лишая ее опоры, отчего лоб Ван Паньди со стуком врезался в землю.

— Даже если ценой спасения станет твоя собственная жизнь? — ледяным тоном спросил он.

Ван Паньди оцепенела. Крупная дрожь сотрясла ее хрупкое тело.

Е Хуай уже решил, что испуганная крестьянка отступится перед лицом неминуемой гибели, но в следующий миг она вскинула голову. На ее измученном лице сияла безумная, восторженная улыбка.

— Правда?.. Вы не шутите?! Да, да, я согласна! О господин, я на все согласна! Заберите мою жизнь, заберите!

С того самого момента, как появилась Ван Чжаоди, младшая сестра осознала: невидимая рука, что вела ее сквозь удушливый туман и вытащила из пасти чудовища, принадлежала ее а-цзе. Только ей.

Возможность отдать жизнь за ту, кто оберегал ее до последнего вздоха, наполнила душу Ван Паньди не страхом, а чистейшим, восторженным облегчением.

Она улыбалась искренне, без капли притворства. Е Хуай, наблюдавший за этой сценой, почувствовал, как к горлу подкатил ком. Он замер в трепетном ожидании, переводя взгляд на наставника и гадая, каким будет его решение.

Но Цзян Ту не спешил с вердиктом. Как и тогда, у ворот деревни, он вновь переложил ответственность на плечи своего ученика.

— Что скажешь? — невозмутимо спросил он.

Е Хуай судорожно сглотнул.

В могуществе наставника он ни капли не сомневался: если тот пообещал, значит, действительно сможет забрать одну жизнь ради спасения другой.

Юноша нерешительно посмотрел на распростертых перед ними сестер.

И тут его взгляд встретился с единственным уцелевшим глазом Ван Чжаоди. Сквозь клубы ядовитой скверны она смотрела на него с немой, невыносимой мольбой.

Ему и в голову не приходило, что в глазах свирепого призрака в алом саване может отражаться что-то, кроме слепой ненависти.

Но Ван Паньди молила точно о том же.

Каждая из сестер без раздумий выбирала гибель, лишь бы подарить жизнь другой.

Е Хуай колебался. Наблюдая за тем, как черные жгуты скверны безуспешно пытаются прогрызть призрачную плоть Ван Чжаоди, он вдруг вострепнулся и с надеждой посмотрел на наставника:

— Благодетель, но ведь время идет, а она так и не превратилась в призрачного зверя!

Даже поверженный Будда Тысячи Лепестков Лотоса успел поглотить множество душ, и его посмертное Дыхание скверны все еще было смертельно опасным. Однако до сих пор это Дыхание скверны не смогло подчинить себе волю Ван Чжаоди. Потеряв надежду пробиться внутрь, черное облако заметно слабело и таяло, в то время как душа девушки упрямо цеплялась за остатки человечности.

Казалось, лишь силой собственной воли она сдерживала натиск тьмы.

Набравшись смелости, Е Хуай тихо спросил:

— Если Дыхание скверны бессильно перед ее душой... может быть, им обоим необязательно умирать?

— И как ты планируешь гарантировать, что, устояв сейчас, она не поддастся безумию завтра?
— холодно возразил Цзян Ту.

Юноша растерянно перевел взгляд на Ван Паньди:

— Я... я не могу этого обещать, но...

В этот миг Ван Паньди, словно уловив нить спасения, вновь простерлась перед Цзян Ту:

— Клянусь небесами! Я до конца своих дней не отступлю от сестры ни на шаг и буду оберегать ее своей жизнью! Если же она обратится чудовищем, пусть разразится кара небесная — я согласна принять смерть вместе с ней и разделить ее посмертное небытие!

Цзян Ту бесстрастно поправил ее:

— Небожителям нет дела до законов преисподней и круговорота душ.

Голос Ван Паньди задрожал еще сильнее от ужаса, но она не отступила:

— Тогда... тогда я клянусь самому Владыке преисподней! Если моя а-цзе обратится зверем, пусть грозный Владыка преисподней лично заберет мою душу и ввергнет ее в пучину Восемнадцати кругов ада на вечные муки без права на перерождение!

— Или... или заprite нас! Если вы все еще сомневаетесь, заточите нас в темнице! Мне все равно, лишь бы остаться рядом с ней!

— Ради этого ты готова пожертвовать свободой, которую едва успела обрести? — негромко спросил Цзян Ту.

Решение Ван Паньди было окончательным и бесповоротным:

— Сколько я себя помню, а-цзе всегда закрывала меня собой. Если бы не она, я бы давно сгнила в сырой земле. Я обещала матушке перед ее смертью, что мы вместе покинем эту проклятую деревню. Раньше я не знала, что сестра все это время незримо шла за мной, но теперь... теперь я ни за что ее не оставлю!

В морозном воздухе прозвучал тихий смешок — чистый и мелодичный, словно треск тончайшего льда или звон драгоценного нефрита. Ван Паньди решила, что ослышалась, и попыталась рассмотреть лицо загадочного мужчины, но в этот миг яркая алая вспышка ослепила ее, пронесшись в волоске от щеки.

Девушка испуганно вскинула голову, прослеживая взглядом полет багрового луча...

Алая энергия, подобно острому серпу, в один миг рассекла клубящееся вокруг Ван Чжаоди Дыхание скверны. Сразу после этого она соткалась в тяжелые, покрытые ржавыми разводами цепи, что мертвой хваткой сомкнулись на шее призрака.

Всякое движение воздуха в помещении мгновенно прекратилось. Повисла мертвая тишина.

И в этом безмолвии скованная Ван Чжаоди склонилась до самого пола:

— Покорно благодарю вас, господин Цзян.

Цзян Ту, казалось, искренне удивился ее словам:

— За что же ты благодаришь меня?

— Вы намеренно подтолкнули мою глупую сестру принести клятву преисподней. Только так, в обход мелких чиновников и вестников смерти, вы могли вершить суд в мире живых. Вы смолчали об этом, господин, но ваша покорная слуга не смеет выказывать слепоту, — тихо отозвалась Ван Чжаоди. — Ваша милость навеки высечена в моем сердце.

Волосы Цзян Ту вновь побелели, струясь по плечам подобно чистому снегу. Он лишь пренебрежительно взмахнул рукой, прерывая излияния благодарности:

— Сумеешь ли ты подчинить себе Дыхание скверны и превратить ее в источник силы — зависит лишь от тебя одной. Но запомни: если я когда-нибудь замечу, что тьма поглотила твой разум, эти цепи в то же мгновение обратят твою душу в пепел. Не страшно ли тебе, Ван Чжаоди?

Под мертвенно-бледной кожей девушки уже проступали зловещие черные прожилки яда. Одно лишь зрелище этих пульсирующих нитей заставляло содрогаться от мысли о том, какую нечеловеческую муку она сейчас претерпевала.

И все же губы Ван Чжаоди тронула слабая улыбка:

— Мне не страшно, господин. Я справлюсь с ней, обещаю вам.

Цзян Ту издал негромкий смешок — это было его молчаливое согласие.

Девушка вновь коснулась лбом земли, выражая почтение.

На этом праздные разговоры были окончены. Голос Цзян Ту сделался суровым и бесстрастным, разносясь под сводами полуразрушенного дома:

— Ван Чжаоди, твое пребывание среди живых давно обратилось тяжким бременем греха и нарушило равновесие. Согласно непреложному закону преисподней, твоя мятежная душа заслуживает лишь окончательного уничтожения без права на новое рождение.

— Однако Владыка принимает во внимание, что твои руки чисты от крови невинных, а твоя помощь в истреблении призрачного зверя заслуживает снисхождения. Мой приговор таков: отныне ты будешь нести бремя этих оков и искупать содеянное в мире смертных. И покуда весь твой долг перед судьбой не будет выплачен до последнего гроша, тебе заказан путь к новому перерождению. Согласна ли ты с моим решением?

У призраков не бывает слез, но Ван Чжаоди казалось, что ее щеки омывает горячая влага.

— Все справедливо, господин Цзян. Я признаю свою вину и безропотно приму любую кару, — прошептала она.

В воздухе соткался тонкий, словно крыло цикады, свиток пергамента. На нем мгновенно проступили угольно-черные иероглифы, запечатлевшие каждое произнесенное слово — Судебный указ самого Владыки преисподней.

Цзян Ту небрежно взмахнул рукавом и отвернулся:

— Ступай и прими свою кару...

Он сделал короткую паузу и тихо добавил:

—... Ван Фуяо.

Стоило имени прозвучать, как свиток вспыхнул ослепительным алым пламенем и растаял без следа. Мир вокруг снова ожил, со свистом пропуская потоки свежего ветра.

Е Хуай и Ван Паньди во все глаза смотрели на Цзян Ту. Из-за временного искажения они даже не поняли, что именно произошло за эти несколько мгновений.

Ван Фуяо застыла, не находя слов.

Назначенное наказание дарило ей величайшее благо — возможность остаться в мире живых, незримым стражем оберегая младшую сестру до конца ее дней.

Суровый, непреклонный судья душ вынес приговор грешнице Ван Чжаоди, но подарил надежду на спасение Ван Фуяо.

Понимая, что Владыка преисподней не желает раскрывать себя перед юным спутником, девушка сдержала рвавшиеся наружу слова благодарности. Она медленно, со страхом и трепетом обернулась к сестре.

Ей до боли не хотелось напугать робкую Ван Паньди своим уродливым призрачным обликом.

Однако не успела она издать ни звука, как Ван Паньди с плачем бросилась вперед и крепко обняла ее за шею:

— А-цзе! Как же я скучала по тебе! Каждую минуту, каждый день... Я так сильно скучала!..

За порогом хижины густой серый туман лениво рассеивался. Деревня Множества Благословений, еще недавно заваленная зловещими алыми обрывками праздничной бумаги, медленно возвращалась к своему обычному облику.

Все эти кошмары подпитывались скверной Будды Тысячи Лепестков Лотоса. Стоило чудовищу погибнуть, как наведенный морок растаял сам собой.

Е Хуай перешагнул через бездыханное тело старосты и поспешил вслед за наставником.

Ван Афу до последней секунды пытался цепляться за власть, дарованную ему кровожадным лже-Буддой Тысячи Лепестков Лотоса, угрожая беззащитным девушкам.

Старик свято верил, что пустившие корни в этих краях семена зла пребудут вовеки и никому не под силу их уничтожить.

Но он ошибался.

Е Хуай украдкой оглянулся на сестер, которые продолжали стоять, крепко прижимаясь друг к другу.

Те, в чьих душах горит пламя свободы, рано или поздно возвысят свой голос. И на костях тех, кто пал первым, вопреки всему расцветут прекрасные, непокорные цветы.

Цзян Ту уже почти переступил порог, как вдруг замер на месте.

Заметив его взгляд, сообразительный Е Хуай мгновенно перехватил инициативу. Он нагнулся и поднял с грязного пола разорванный надвое бумажный амулет.

— Что это?.. — Юноша уставился на рваные куски бумаги, силясь разобрать каракули, но в итоге лишь уныло опустил голову. — Простите, благодетель... Я не умею читать амулеты.

Цзян Ту забрал обрывки и нахмурился, вглядываясь в написанное. Символы были начертаны настолько небрежно, что больше походили на извивающихся дождевых червей, нежели на священные письма заклинателей.

— Пустяки, — негромко отозвался Цзян Ту. — Как-нибудь на днях...

Он внезапно замолчал. Е Хуай удивленно моргнул:

— Благодетель?

— Ничего, — Цзян Ту сжал ладонь, и рваная бумага мгновенно обратилась в серый пепел. — В ближайшем городе нужно будет купить тебе букварь и учебники.

— Слушаюсь! — радостно отозвался Е Хуай. Лицо его так и сияло, словно наставник только что пообещал ему самую дорогую сладость в мире.

Цзян Ту ласково взъерошил его мягкие волосы и незаметно, стараясь не выдать себя ни единым жестом, сглотнул подступившую к горлу горячую кровь.

<http://bllate.org/book/19047/1939739>